

Стихия азарта: первое погружение

АЛЕКСАНДР СЕКАЦКИЙ

АЛЕКСАНДР СЕКАЦКИЙ. Кандидат философских наук, доцент философского факультета СПбГУ. Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5. E-mail: aksek@inbox.ru.

Ключевые слова: азарт, космос, время, производство времени, генератор случайных чисел, игра, ставка, пари.

Статья посвящена роли азарта в экзистенциальном измерении человеческого бытия. Поле азарта рассматривается как некая предзаданность по отношению к самой природе, это множественность шансов (множество возможных миров), пресекаемая в пользу привилегированного этого мира, называемого греками фюзисом и космосом как результатом окончательной настройки фюзиса. Компактность, «герметичность» природы вновь нарушается с появлением человека, важнейшим антропогенным фактором становится разброс шансов или риск-излучение. Важнейшей манифестацией и даже систематизацией азарта является игра. Именно Игра и становится первичной формой организации экзистенциального времени в противовес регулярностям природы, которых недостаточно для вспышки *cogito* и для явленности человеческого вообще. Игра, образуя свой Архив, становится динамической схемой истории, ее пульсом.

A FIELD OF HAZARD:
THE FIRST INVASION

ALEXANDER SEKATSKI. PhD in Philosophy, Associate Professor at the Faculty of Philosophy of the Saint Petersburg State University. Address: 5 Mendeleevskaya liniya, 199034 Saint Petersburg. E-mail: aksek@inbox.ru.

Keywords: hazard, cosmos, time, the production of time, game, bet, chance.

The article is dedicated to the role of hazard in the existential dimension. A field of hazard is treated as a general condition which is older than Nature as such, which allows us to consider this field as a set of chances (or so-called possible worlds). This is what the Greeks called “Physis” or “Cosmos”—the only world which was chosen. After the appearance of man in the world, new chances emerged in Nature, which was the main condition for human conscience, or cogito. A game is the main source of chances, and at the same it is the source of the existential human Time itself. This exact time becomes the pulse of History.

КОГДА заходит речь о стихиях, в которых экзистенциально определяется человеческая жизнь, чаще всего упоминают любовь, власть и смерть. С ними соотносятся разум, мышление, если его тоже можно назвать стихией: разум вступает в непростые отношения с любовью, пытается упорядочить власть и укротить смерть. Азарт в подобных экзистенциальных построениях выглядит как некая специя, способная изменить разве что способ подачи основополагающих предъятий человеческого.

Я же намерен исходить из того, что азарт способен обеспечить проникновение в самую сердцевину человеческой экзистенции. Попробуем пока перечислить навскидку основные понятия, структурирующие поле азарта или пересекающиеся с ним. Итак, риск, авантюра, ставка, пари: нетрудно увидеть, что без них определенность человеческого попросту непредставима. Даже если не затрагивать пока гегелевский дискурс раба и господина, где готовность к смертельному риску как раз и конституирует человеческое сознание и субъективность, мы можем обратить внимание на данные классической и структурной антропологии, где роль жребия, пари, гадания, роль игры на ставку оказывается никак не меньше, чем роль фратрий, брачных классов и даже бинарных оппозиций.

Описанные, например, Клиффордом Гирцем петушинные бои на острове Бали могут выступить здесь в качестве универсальной моделирующей системы. Они, во-первых, образуют кристаллическую решетку самых значимых событий — притом событий ожидаемых, осмысленных. Во-вторых, они определяют циклическую датировку повседневной жизни и выступают в качестве исхода (жребия) для решения ряда общественных

и личных проблем¹. То есть позывные азарта задают не только устойчивость, сопоставимую со структурой бинарных оппозиций в целом, но и динамический драйв, насыщающий время существования, электризирующий, так сказать, слабые токи повседневности.

Что такое петушинные бои на Бали, можно понять, сопоставив их с современным футболом. В «футбольно зависимых» странах — Португалии, Испании и большинстве государств Латинской Америки — футбольные турниры приближаются по своему значению к балийским петушиным боям: они тоже выступают в роли аттракторов, ориентирующих текущие события относительно решающих матчей. Они модулируют время, накапливая его как предвкушение, реализуя его как Событие (сам матч), аранжируя как ностальгическую радость или досаду. Цикличность совокупного времени определяется футбольным календарем не в меньшей степени, чем календарем как таковым: определяется от матча к матчу, от победы к поражению, от чемпионата к Кубку. Один футбольный сезон сменяется другим, и этот ритмический рисунок притягивает к себе и «захватывает»² все близлежащие генераторы ритмов. Только напряжение азарта способно породить такой ритмический рисунок, *расетакер* (ритмоводитель), которому подчиняются и упомянутые слабые токи (житейская рутина, разноразличных индивидуальных жизненных программ), и природные циклы.

В действительности современный футбольный календарь является лишь бледной копией несравненно более сильных генераторов азарта, ритмоводителей архаики, действовавших на огромных пространствах — от племенных союзов до древних цивилизаций. Футбольная лихорадка даже в самых пораженных ею странах перебивается и разбавляется другими мощными «пэйсмейкерами». И все же мы видим ясное указание на потенциальную способность источников длительного *риск-излучения* регулировать социодинамику общества и психодинамику индивида. Олимпийские игры в Греции и гладиаторские бои в Риме по уровню своей значимости для тотальности жизни социума занимали место где-то между петушиными боями на Бали и современным футбольным календарем Бразилии или Испании. Удивляться приходится лишь недооценке этого регулятора, равно как и стихии азарта в целом в сфере устройства человеческой экзистенции.

1. См.: Гириц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004.

2. Биофизическое описание «захвата» регулярностей описано, например, в книге: Гласс Л., Мэки М. От часов к хаосу. Ритмы жизни. М.: Мир, 1991.

В одной из новелл испанского писателя Мигеля Делибеса речь идет о жизни политзаключенных (республиканцев) в провинциальной тюрьме во времена правления диктатора Франко. На протяжении более тридцати лет эти люди полностью были лишены каких-либо связей с внешним миром, за исключением спортивных газет и радиорепортажей о футбольных матчах. Ожидание, предвкушение, сверка ставок, бесконечные споры и обсуждения задавали основную событийную канву однообразной жизни, что, впрочем, неудивительно. Интереснее другой момент, тщательно обрисованный писателем: футбольные матчи, исходящая от них аура и приуроченные к ним личные обстоятельства с успехом взяли на себя функцию означивания смысла жизни в его повседневной достоверности; они же являлись источником неподдельного счастья, обусловленного выигрышем любимой команды и соответствующим совпадением ожиданий. Когда через тридцать лет главный герой выходит на свободу, он обнаруживает, что другого смысла жизни, кроме футбола, у него, в сущности, нет. Друзья забылись, родные поумирали, идеи революции давно никого не вдохновляют. Но главное — он сам отвык от других разметок событийности: жизнь на свободе кажется ему пустой и суетной, за исключением футбола, который представлен в ней полнее и ярче. И именно в этом отношении герой словно бы сделал один шаг ближе к раю: он радостно вливается в кипучий футбольный планктон. Следует признать, что ему все же повезло, ведь балиец, оказавшись он изъятым со своего острова, лишился бы даже «репортажей» о петушиных боях, и его жизнь была бы попросту отложена на неопределенный срок, ведь в рамках архаического экзистенциального проекта еще нет доверительной личностной связи с трансцендентным³.

Новелла Делибеса написана на документальной основе, и можно сказать, что в *большом социальном поле* это особый случай. Однако всякий раз, попадая в сферу действия принципов структурной антропологии, мы обретаем измерение азарта в качестве генератора собственного времени. Казармы, тюрьмы, «зоны» — практически все огражденные дисциплинарные территории подчиняются бинарным оппозициям, тому или иному типу диктатуры символического. Роль табу как гаранта сверхприродной детерминации, минимального порога очеловеченности общеизвестна — исследователи от Тернера и Малиновского до Леви Стросса и Жирара единодушны в оценке миропологающей роли табу. Но это лишь статичная раскладка возможной со-

3. Подробнее см.: Секацкий А. Изыскания. СПб.: Лимбус-пресс, 2009. С. 46–54.

бытийности. Динамическую составляющую процесса производства человеческого в человеке задает поле азарта, в частности его важнейшая эманация — игра. Игра образует собственную инфраструктуру и экзистенциальные расширения: архив, судьбу, фарт (о них еще пойдет речь). Очень важно, что поле азарта и игра как состояние этого поля дают о себе знать не только в узловых точках, но и в длящихся состояниях, притом что эти состояния в оболочке хроноизоляции вынесены из текущей повседневности.

Если взять типичную советскую/российскую «зону» последних десятилетий, можно заметить что сакральная, судьбоносная игра (обычно «очко», «сека» или «бура») живет не только в тот момент, когда она играет, что само по себе является особым, праздничным временем, — сыгранные партии доигрываются и переигрываются в воображении, анализируется «непруха» с целью ее нейтрализации и избегания в дальнейшем. По сути, мы видим не что иное, как наиболее достоверную на сегодняшний день *естественную теологию*. После всех шагов, предпринятых человечеством во имя укрощения азарта, после Просвещения и торжества сберегающей экономики, после беспрецедентных усилий христианства сохранился лишь осколочный поэзис азарта. Сегодня «азартное» — это бессознательное, причем глубоко вытесненное бессознательное, продолжающее, однако, из глубины совершать свою работу. Но одно дело, когда генераторы исходов, включенные в поле азарта, работают в глубине и их продукция пробивается через множество репрессивных и искажающих слоев, и совсем другое, когда они вынесены в трансцендентное, например укреплены на петушиных гребешках, на рогах быков во время корриды или на бампере болида «Формулы-1». Экзистенциальная сборка такого сущего, как человек, непременно требует рискованной операции, работы без страховки, но бог азарта обычно скрывает свою печать; итоговые модификации принятых позывных могут настолько отличаться друг от друга, что оказывается почти невозможным идентифицировать их как различные дозировки всеобщего фармакона.

* * *

Аристотель в «Никомаховой этике» проделывает уникальную работу по составлению рецептуры приемлемых аффектов — в сущности, он закладывает основы «спектрального анализа» души-психеи⁴. Благодаря мощному искажающему влиянию Фрейда психология так и не вернулась к этому многообещающему начинанию. Страница за страницей Аристотель выстраивает

4. См.: *Аристотель*. Соч. М.: Мысль, 1982. Т. 4.

пропорции и соотношения, создает дифференциальное исчисление этоса, где благодаря искусственным формулам скромность, великодушие, отвага, правосудность и справедливость оказываются расставленными по своим местам — чем, кстати, доказывает тезис Сократа, что «добродетель есть знание» — знание этих выверенных пропорций.

Но в разветвленной системе соотношений обнаруживает поразительное зияние: здесь напрочь отсутствует измерение азарта. Шкала риска не градуирована и не задана, на ней не нанесено ни одной риски. Насчет соотношения бережливости и скупости все подробно расписано, но хотелось бы знать, что же является противоположным полюсом азарта, что противостоит азартности как свойству человеческой природы? Может быть, «осторожность», но она уже определена по другой шкале. То же самое и с жадностью — и ее соотношения с риском далеко не очевидны, они, как говорится, амбивалентны.

Явная трудность размещения азарта среди прочих свойств души наводит на размышления. Напрашивается, вообще говоря, следующая спекулятивная схема. Предположим, что поле азарта предзадано как источник мощного риск-излучения. Излучение проходит сквозь все природные организмы, но улавливается лишь существами, которые в дальнейшем (может быть, именно в силу этого) начинают именоваться людьми. Преобразованная риск-облучением материя обретает особые свойства, которые в их высшей завершенности принято называть номадическими.

Следует признать, что способность реагировать на датчики случайных чисел, на естественные источники шансов⁵ пока еще не нашла онтологического объяснения. Почему эти естественные и искусственные источники дискретных исходов, шансов являются для человека неодолимыми аттракторами, такими же, как солонцы для оленей и ламехузы для муравьев? Что же здесь так притягивает субъекта — субъекта, принадлежащего любому обществу, принадлежащего истории? Что влечет его к петушиным боям, к игровым автоматам, к гадательной индустрии — кстати, самой древней индустрии мира? Что получает он от этих аттракторов сладчайшего? Ведь исходы-шансы втягиваются в метаболизм природы, фюзиса и делают его пригодным для становления человеческого — как, впрочем, и для производства символического.

Прежде чем вновь обратиться к исторической антропологии, следует заметить, что частицы-шансы чистого азарта об-

5. Н. А. Кобозев использовал весьма удачное выражение «частицы шанс-газа». См.: Кобозев Н. А. Термодинамика процессов информации и мышления. М.: Наука, 1965.

ретают свою определенность в зависимости от того комплементарного связывающего элемента, с помощью которого они образуют относительно устойчивую молекулу. Тут осуществляется некая химия, или, лучше сказать, фармакология азарта, принципиально отличающаяся от фармакологии эроса, для которой Фрейд использует химические по своему происхождению термины (сублимация, возгонка и т. д.). Преображенный эрос сохраняет свою общую подкладку во всех преобразованиях, и главным различителем выступает объект, на который он направлен: другой из списка дозволенных объектов, другой из запрещенного списка, текст как инобытие другого, Бог как инобытие всех других — даже в этом последнем случае присутствует изначальный элемент, либидо, придающий некую узнаваемую окраску всему ансамблю. Общность азарта, скорее, напоминает различные способы вхождения кислорода в формулы более сложных молекул: одно дело H_2O , а другое — CO_2 . Одно дело азарт, связанный в соединениях высокого риска (облучением такого рода производится фигура господина), другое дело такие «разбедающие щелочи», как жадность или халява. Риск-частицы, связанные в этих соединениях, уже не поддаются восстановлению, но сохраняют способность производить разрушительную работу. Воздействие поля азарта в таких случаях приводит к плачевным последствиям.

Тем самым вопрос ставится с новой силой: почему же не сформировался экран, защищающий слишком человеческое от бомбардировки риск-частицами? Почему к источникам, генераторам случайных чисел людей тянет как магнитом, и они, как металлические стружки, располагаются концентрическими кругами вокруг соответствующих полюсов? Попробуем выделить по крайней мере одну причину, вернувшись в сферу исторической антропологии.

* * *

Рассматривая последствия петушинных боев на Бали и футбола в Бразилии, мы отмечаем календарную роль избранных зрелищ, их функцию социально-психологических ритмоводителей. Ритмическая организация повседневной жизни в поле азарта равномогуща собственно календарной разметке, астрономическим регулятивам смены времен года и суточного цикла. Но суть дела не в равномогущности, а именно в автономности, в независимости азартного ритмогенеза от природных ритмов. Чтобы понять, почему именно в этом состоит суть дела, необходимо хотя бы вкратце уяснить себе роль синхронизаций в происхождении жизни и сознания, а для этого ни больше ни меньше ответить на вопрос «Что такое время?», раз уж мы рассматриваем

роль азарта в организации человеческого времени, точнее говоря, в согласовании времен, благодаря которому они сплетаются в жгут интенсивной человеческой жизни. Ограничимся экскурсом из книги Джулиуса Фрэзера, рассматривающего происхождение событий не *во времени*, а *из времени*. Усмотреть это вовсе не легко, говоря о происхождении жизни:

Неорганические кристаллы характеризуются не только стабильным воспроизводством, но и переменным излучением (осцилляцией). Модусы их осциллирования крайне многочисленны и простираются по всему спектру частот — от электромагнитной области до звукового диапазона. Кроме того, — это важно, — они располагают многочисленными механизмами, посредством которых энергия поглощается на одном участке частот, после чего конвертируется и излучается в другом диапазоне. Сегодня не многие из периодичностей окружающей среды являются достаточно быстрыми (*rapid*) для того, чтобы совпадать с естественными частотами внутри органических кристаллов, но в эпоху криптозоя ситуация была существенно иной⁶.

Пример с кристаллами особенно удачен, поскольку демонстрирует, что даже «жизнь кристаллов» отнюдь не сводится к параметрам кристаллической решетки. Суть дела определяют осцилляция и другие нарастающие признаки временения.

Поскольку регулярность первых молекулярных часов едва ли могла точно совпадать с нишами окружающего темпорального спектра, продуцировался ошибочный сигнал, пресекаемый давлением естественного отбора в пользу тех темпоральных конфигураций, которые были лучше синхронизированы с циклическими окружения⁷.

Мы имеем дело с описанием эволюции, параметры которой весьма отличаются от тех, которые привычно рассматривают биологи со времен Дарвина и Хаксли, причем отличаются в лучшую сторону.

Тот факт, что в современную эпоху мы не можем отследить спонтанные процессы, которые коррелировали бы с возникновением жизни, возможно, объясняется промежуточным, переходящим (*transient*) характером примитивных форм. Те ранние, активно пульсирующие кристаллы были поглощены либо аморфной органикой и более крупными неорганическими соединениями, населявшими Землю три миллиарда лет назад, либо эволюционировали в более сложные и тем самым преимущественно более

6. *Frazer J. T. Time as Conflict. Basel, 1978. P. 73.*

7. *Ibid. P. 74.*

стабильные системы. В качестве своих преемников они оставили нам стабильную морфологию ДНК⁸.

Выпадение и даже активное истребление промежуточных форм, прежде всего неустойчивых, могло бы составить особый пункт универсального хронопозиса. На редкость удачно образное сравнение, к которому прибегает Дж. Фрэзер:

Полагаю, что, если мы намерены изучать темпоральную организацию живых форм, нам следует заменить анатомическое расчленение, вивисекцию, хроносекцией (*they ought to be «timesected» rather than dissected*)⁹.

Действительно, темпоральное препарирование *in vivo* можно рассматривать как важнейший метод изучения хронопозиса. Препарирование времени нисколько не напоминает работу со скальпелем, скорее, если уж прибегать к метафорам, это распутывание клубка и развязывание узелков. Еще точнее — выборочное прослушивание различных партий полифонического звучания с отделением гетерофонии, партий фона и сольных партий. Сам Фрэзер описывает образец хроносекции следующим образом:

Добавление нового компонента в гармонический анализ окружения задает также и новые требования для улучшения внутренней координации. Существование внутри единой системы, сопряжение даже нескольких часов (таймеров), настроенных на различные частоты, вызывает необходимость внутренней координации для предотвращения деструктивных влияний внешних ритмов. Все это требует внутреннего контроля. Возрастание количества часов, продуцирующих ритмы, создает новые периодичности и регулярности, а именно линейные суперпозиции или нелинейные темпоральные фигуры, с которыми не соотносится ничего из внешних регулярностей. Эти новые и всецело внутренние циклы тоже должны быть интегрированы друг с другом, если исключить деструктивные регулярности, с которыми лучше не совпадать¹⁰.

В хронопозисе всякого собственного времени задачи рассогласования с некоторыми бесперспективными или пагубными регулярностями, необходимость отцепиться от них не менее важны, чем задача привязки. То есть сначала сведение отдельных регулярностей, их «регистрация» как с помощью колебательных отметок, так и с помощью метаболических процессов, а затем —

8. Ibid. P. 75.

9. Ibid. P. 78.

10. Ibid. P. 76.

автономизация, отцепление от них посредством продуцирования собственного времени (лучше сказать, собственных времен), темпоральностей, выходящих на уникальных частотах, транслируемых в некоторых диапазонах «прижизненного времени».

Итак, если жизнь вообще есть согласование множественных регулярностей и ритмов плюс «маленькая прибавка», а точнее говоря, выемка из кокона согласованных вхождений, которая и гарантирует отдельность живого, разбивку на организмы, то всякая человеческая жизнь представляет собой отвоевание очередного пространства автономизации. Плацдарм сознания и уж тем более плацдарм субъекта обладают максимальной автономностью по отношению к совокупным регулярностям всего сущего и происходящего, притом что фоновый уровень состоит как бы из множества «проглоченных» часов и прочих ритмоводителей, но они просто *приняты к сведению* и не определяют господствующую ритмику бытия.

Отсюда становится отчасти понятным неодолимое влечение к россыпям дикого, несвязанного времени — к жребиям, шансам, исходам, датчикам случайных чисел. Инсталлированность этого влечения в человеческой психике (в сознании), собственно, и именуется азартом. Проясняется и связь рискованного бытия с бытием господина. Ведь господин прежде всего есть суверен своей воли, пребывающий в автономности чистого практического разума и, стало быть, в независимости от всякого рода естественных обстоятельств.

Готовность к риску (азартность) распределена между людьми и даже между народами столь же неравномерно, как музыкальный слух. Выражаясь корявым языком современной социологии, большая часть популяции остается «ригидной» к азарту высоких ставок, но охотно потребляет разбавленный риск, особенно оседающий в архивах больших ритмоводителей вроде футбольных чемпионатов.

В принципе, любой ретроспективный шаг дает нам еще большую значимость временной развертки азарта для организации повседневности. Конечно, встречаются более и менее азартные эпохи, и эпитет «авантюрная» куда больше подходит к той или иной эпохе, чем эпитет «невежественная» или «жестокая». Ясно, что эпоха Великих географических открытий отличалась, скажем, от эпохи Просвещения повышенным содержанием азарта в крови ее героев — важно понять, насколько этот фактор является существенным и определяющим. Но, прежде чем рассматривать исторические ипостаси авантюрного разума, следует вернуться к контрприродному ритмогенезу как важнейшему гаранту суверенности духа и, следовательно, диктатуры символического. Ведь диктатура символического утверждает себя как

перепричинение. Опытный заклинатель дождя приступает к работе, когда различные приметы уже недвусмысленно указывают на предстоящий дождь¹¹. В сущности, эти приметы известны даже ласточкам и саранче, можно предположить, что и соплеменники заклинателя о них подозревают. Так что выводы в духе эпохи Просвещения насчет «невежества народа» и цинизма жреческого сословия не работают. Выгода шамана принимается в расчет в последнюю очередь, что действительно важно. Так, это перепричинение, смена обоснования — замена причин, которые пригодны ласточкам и вообще природе, на причины, пригодные людям, обеспечивающая непрерываемую диктатуру символического. Итак, еще раз: приметы, доступные ласточкам и даже дождевым червям (доступные, разумеется, не сознанию, а поведению, которое и осуществляется в соответствии с ними), заменяются потусторонними, трансцендентными свидетельствами, которые принципиально не лежат на поверхности (на той же поверхности, где находятся явления), а образуют собственную поверхность, конвейерную ленту символического производства.

Дар шамана состоит в умении опознавать участки символического производства и отдельные произведения (заклинания, проклятия, мантры) как отображения явлений другой поверхности, посясторонней. То есть эзотерическое знание — это особое искусство отождествления феноменов, находящихся в поле символического и совершенно не похожих на них пестрых картин чувственного многообразия: заболеваний, природных катаклизмов, прирастающего богатства, войн, побед и поражений. Впрочем, зоркости такого рода недостаточно, это еще и особого рода слепота, обширная зона *méconnaissance* (Лакан), не позволяющая провозгласить смежное явление из посясторонней поверхности причиной или объяснением другого явления этой же поверхности. Эзотерика с презрением отвергает позитивистские и редуccionистские ходы объяснения, в том числе и весь тип механической причинности как типичный редуccionизм, представленный, например, народной смекалкой. Тот факт, что «математическая смекалка», будучи столь же древней, как и сакральное символическое, неизменно относится все же к профанному знанию, говорит сам за себя. Речь идет о действительной второстепенности всевозможных «смекалок» по отношению к важнейшей задаче — поддержанию диктатуры символического.

Но никакой эзотерики все равно не хватило бы, если бы бинарная оппозиция как принцип оставалась лишь рамкой, кото-

11. Этот пример приводит Витгенштейн в своей «Лекции по этике». См.: *Витгенштейн Л.* Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Т. 1.

рую нужно было бы переносить с места на место для объяснения спорных случаев. Устойчивое очеловечивание немислимо без динамического перепричинения, без нового календарного времени, наполненного жизнью и смыслом, — времени разнокачественного, способного вместить в себя и разовые события (публичные жеребьевки, предсказания судьбы, центральные футбольные матчи), и уплотненную, воспаленную ауру времени, примыкающего к этим событиям. Главной ошибкой большинства антропологов было принимаемое явочным порядком разделение на сакральное и профанное, праздники и будни, процессы и эксцессы как исчерпывающие и последние темпоральные операции, упорядочивающие время в качестве человеческого. Дж. Фрэйзер, М. Бахтин, Ж. Греймас, Р. Кайуа и многие другие убедительно продемонстрировали, что «одних только будней» не хватило бы ни для начала, ни для поддержания производства человеческого в человеке. Да, будней недостаточно, но и праздников тоже. Праздничная разметка календаря в большинстве случаев привязана к земледельческим циклам («аграрные праздники» — любимая тема этнографов до появления структурализма). Она, следовательно, сама подвержена рутинизации, склонна сливаться с фоном. И не случайно, что *разметка азарта* наносится поверх всех других цикличностей и всегда сохраняет экзистенциальное напряжение, будь то петушинные бои на Бали, карточные игры на зоне или лотерея в Вавилоне.

Роль лотерей в современном мире недооценивается, как и роль азарта вообще, но у Борхеса хватило и усилий, и проницательности, чтобы увековечить значимость феномена. Вот перед нами условный Вавилон — понятно, что это большая архаическая цивилизация вообще, некое типичное представительство дохристианского мира. Здесь, в Вавилоне, все неплохо отлажено и организовано, есть трудолюбивые крестьяне, искусные ремесленники, есть храмы, армии, стражи порядка, есть будни и праздники. Но помимо всех этих обычных учреждений есть тут еще и компания, организующая лотерею.

Сначала лотерея находится в зачаточном состоянии, разыгрывая выигрыши в соответствии с теорией вероятности (хотя мы знаем, что и в этом состоянии лотерея, как тлеющий огонек азарта, жжет и чревата пожаром, такие приглушенные реакторы работают сегодня по всему миру). Но постепенно компания, идя навстречу чаяниям народа, расширяет круг выигрышей, а затем добавляет к ним и проигрыши.

Всякий свободный человек, пройдя посвящения в таинства Бела, автоматически становится участником священных жеребьевок, которые совершались в лабиринтах этого бога каждые шестьде-

сят ночей и определяли судьбу человека до следующей жеребьевки. Последствия были непредсказуемыми. Счастливый розыгрыш мог возвысить его до Совета магов, или дать ему власть посадить в темницу своего врага, или даровать свидание в уютной полутьме опочивальни с женщиной, которая начала его тревожить или которую он уже не надеялся увидеть снова, неудачная жеребьевка могла принести увечье, всевозможные виды позора, смерть¹².

Таким образом термоядерный реактор азарта был выведен из фонового режима, но на полную мощь он вышел лишь тогда, когда к множеству выпадающих шансов присоединились и нейтральные — *странные исходы*.

Бывают также жеребьевки безличные, по целям неопределенные: по одной требуется бросить в воды Евфрата сапфир из Тапробаны, по другой, стоя на башне, отпустить на волю птицу, по третьей — убавлять или прибавлять каждые сто лет песчинку в бесчисленном их количестве на морском берегу. Последствия порой бывают ужасными¹³.

Количество исходов лотереи может сравняться с вялотекущими «шансами» самой жизни, вплоть до полного (в прогрессии) тождества итоговой картины. Однако при тождестве видимости нет ничего важнее, чем подмена оснований, — это и есть перепричинение через подключение к полю азарта, самая жесткая версия диктатуры символического. Но и самая труднопреодолимая: когда реакторы включены на полную мощность, все так называемые базисные влечения, все основные инстинкты отступают перед неодолимой силой потока шансов. Как и в физике, рутинное причинение опадает по мере прогрессирующего сжатия и приближения к точке Большого взрыва.

* * *

Смертные устремляются к источникам азарта как коты к валерьянке, и это можно объяснить лишь тем, что азарт, отмеченный в порциях риска, представляет собой радикальное средство очеловечивания. Ибо раскладка сущего такова: напешься из лужицы, из болотца рутины — козленочком станешь (ну, или там трилобитом, ежом), а вдохнешь дух авантюризма и азарта, вдохновишься им — станешь человеком, а на какое-то время, возможно даже, и сверхчеловеком. Надолго ли хватит ресурса, не получится ли смертельная передозировка — это уже другой

12. Борхес Х. Л. Вымыслы. СПб.: Амфора, 2001. С. 98.

13. Там же. С. 101.

вопрос. Не вдаваясь в тонкости, ограничимся здесь самыми общими соображениями.

1. Проблема дозировки. Пожалуй, нигде дозировка фармакона не играет такой решающей роли, как в апроприации дискретных единиц азарта. Чистый, неразбавленный кислород взвешенного шанс-газа приводит к быстрому головокружению, а то и к смерти. По крайней мере, к гражданской смерти. С другой стороны, полное перекрытие кранов ведет к экзистенциальному вырождению.
2. Отсюда и проблема дистрибуции. Облучение риск-частицами динамизирует социальную систему. Но тотальное облучение и, так сказать, общая жесткая облученность приводят ее к гибели. Жизненно необходимо сочетание разных элементов, причем в определенной, хотя и исторически изменчивой, пропорции. На каждого *азартного Парамошу* (знаменитого персонажа булгаковского «Бега») должно приходиться несколько занудных Парамош, равнодушных или устойчивых к облучению риск-частицами. Сегодня многие социологи, не говоря уже о биологах, считают, что такое распределение генетически подстраховано — что весьма похоже на правду. Общий смысл генетической подстраховки иммунитета к азарту понятен, но конкретные механизмы неясны. Гораздо более релевантным кажется историческое измерение, которое воочию демонстрирует, как авантюрные эпохи сменяются эпохами сбережения.
3. Наконец, способы связывания азарта, образующие важнейшую динамическую инфраструктуру социальности вообще и каждого социума в частности. Эти связки, удерживающие ритмический рисунок, творящие время *ex nihilo*, чрезвычайно разнообразны. Но как устойчивая хронореальность они должны удерживать достаточно мощный генератор риска и распределительное устройство с большим количеством контактов, чтобы иметь возможность совершать *полезную работу*.

Маятник все время осциллирует между коротким замыканием и потерей заряда авантюризма в плотных слоях повседневности. Такая осцилляция происходит и в истории, причем с различной амплитудой. Исторически вброс огромной порции шанс-газа сразу вносит характерные черты в соответствующую эпоху, порождая, например, череду удивительных монстров. Часто может показаться, что проект провалился, что игра не стоит свеч, что разрушений намного больше, нежели «полезных приспособ-

лений». Но ситуация меняется, если мы начинаем рассматривать разрушительный тотализатор времени как форму бытия-для-другого. Даже если в эпицентре применения осталась одна выжженная земля, следующая эпоха вполне может воспользоваться полученным импульсом, разряды азарта проскакивают уже не в форме молний и коротких замыканий, а порождают, например, иллюминацию Просвещения.

Таким образом, наиболее заметная реализуемая в истории схема утилизации риск-излучения представляет собой как бы двухтактный социодинамический двигатель. При этом совсем не обязательно считать, что импульс одухотворения целиком создается за счет задействования напряженных полей азарта. Однако повышенная «азартность» бытия неизменно сопровождает времена духовного подъема. Эпохи стабилизации, напротив, довольствуются приглушенными генераторами азарта, но и им необходим накопленный ранее запас, поскольку экзистенциальные стратегии, не реагирующие на риск вообще, неспособны к историческим свершениям. Пожалуй, главный индикатор стабилизировавшейся социальной вселенной — это неподатливость риск-излучению, образование массивного защитного кожуха, предохраняющего социальное тело (особенно его голову) от воздействия полей азарта. В стабилизированном социуме, незаметно переходящем в состояние застоя, а затем и упадка, частицы риска выбивают из стабильных орбит лишь отдельных маргиналов, а вовнутрь социума просачиваются преимущественно самые низкопробные фракции азарта (пресловутая игровая зависимость входит как раз в этот список).

Деградация социума под защитным кожухом, отмирание его самых мобильных подсистем находят множество исторических подтверждений — судьба потомков монгольских нукеров в Китае лишь один из них (достаточно полистать Льва Гумилева). Чрезвычайно важная роль принадлежит преобразователю риск-излучения. По своему устройству это таймер, и его продукция — обогащенное время, с одной стороны удерживающее свою хроноразмерность, принципиально перпендикулярную естественным ритмам, а с другой — время, не захлестывающее с головой, не вводящее в короткое замыкание аннигиляции, а подаваемое человекоразмерными порциями.

* * *

Психологическая зарисовка из жизни художника Мурада Гаухмана, демонстрирующая, что такое облученность, всего единственным квантом риск-излучения, не имеет, что характерно, никакого отношения к азартным играм:

Мне было лет 7–8, и я уже самостоятельно ходил в школу и из школы. Больше всего я боялся потерять ключи, на этот счет мама предупреждала меня особенно строго: я знал, случись такое — мало не покажется.

И однажды это случилось. Дело было зимой, была очень снежная зима. Я играл ключом на цепочке, и он упал в снег, прямо в сугроб. Помню, сердце дрогнуло, меня окатила какая-то волна ужаса. Показалось, что все потеряно. Но в сугробе остался след. Я осторожно просунул туда руку, стараясь не разворошить, и достал ключ! Это было чудо! Я показался себе волшебником, и, чтобы снова испытать это чувство, я опять бросил ключ в сугроб. И нашел! Потом я бросил его в третий раз и не нашел... Я возился больше часа, разрыл весь снег, но ключ исчез навеки. А взбучка дома была такая, что действительно мало не показалось.

Итак, ключ вновь бросается в снег, чтобы вернуть уникальное чувство находки ключа. И ощущение всемогущества («как волшебник») — его так хочется вернуть, восстановить. Из этой психологической зарисовки просвечивает вся достоверность перепричинения и бытия в перепричиненном мире. Перед нами первая, детская версия игры «судьба — не судьба»; ни одно существо, кроме человека, не в состоянии в нее сыграть. Однако важнее всего ретроспекция мотива, или, лучше сказать, мотива, побуждающего к риску. Существенно, что мотив в данном случае не является вариацией для трехструнной балалайки «основных мотивов» — эго, либидо, влечение к смерти. Перед нами четвертый или во всяком случае иной мотив, не принадлежащий к реестру *basic instincts* или *basic drives* и тем не менее действующий с неодолимой силой на некотором временном участке. Людям свойственно откликаться на этот зов, животным — нет. Вопрос о богах оставим пока без ответа.

Недооценка, а проще сказать, нераспознаемость азарта в качестве важнейшей человекообразующей силы дополняется скудостью психологического отчета. Если муки любви и коллизии власти описаны во множестве прекрасных текстов, то онтологическая и экзистенциальная принудительность азарта прошла мимо магистрального самоотчета сознания: считанные единицы психологических документов посвящены ее анализу¹⁴. Дело в том, что природа риска облучения хотя и имеет определенную психологическую картину, но не сводится к ней. Экстатическое состояние, наступающее после поглощения кванта азарта, вы-

14. Пожалуй, на первое место следует поставить Грегори Бейтсона и его концепцию *double bind*. См.: Бейтсон Г. Экология разума. М.: Смысл, 2000. В русской литературе стоит выделить Достоевского («Игрок») и повесть Андрея Битова «Азарт, или Изнанка одного путешествия».

водит активированную частицу из поля индивидуальной психологии, изымает субъект из повседневного континуума *психе*. Облученные субъекты отличаются не психологическими замедлителями, которых они лишаются, а количеством поглощенных квантов азарта.

Изобразим «казус Гаухмана» в виде простой схемы:

K	K_+	S_1	S_2	K_-
K	K_+	S_1	S_2	K_-
<p>K — ключ потерян K_+ — ключ обретен S_1 — первый преднамеренный бросок S_2 — второй преднамеренный бросок K_- — ключ утерян окончательно</p>				

Трек облучения и поглощения риск-частицы разделен на участки.

Участок ($K - K_+$) — обычная житейская драма со всем сопутствующим рессентиментом: угрызениями за беспечность, предчувствием гнева матери, ожиданием наказания, простейшими заклинаниями («только бы найти этот ключ, никогда больше...»).

Участок ($K_+ - S_1$) представляет радость. Облегчение, имманентный психологический подъем. Если бы этими двумя участками дело и ограничилось, перед нами была бы типичная схема $S - R$, столь любимая бихевиористами. Но точка S_1 является неклассической сингулярной точкой, размыкающей континуум психического: здесь, в этой точке, вводится ретропричинение. Волна ($S_1 - S_2 - \dots - S_n$) распространяется не только вперед, но и назад, происходит захват обычной хроносенсорики рессентимента мощным внешним пейсмейкером вроде блуждающего нерва¹⁵, в результате чего предшествующая захвату мотивация стирается и не осознается.

Дело в том, что на участке ($K - K_+$) среди прочих самозаклинаний был и запрос, звучавший примерно так: «Ключ, если только ты найдешься, я буду обращаться с тобой так бережно, так осторожно... ты только найдись, ключ... я буду беречь тебя и помнить о тебе...».

Потом на следующем участке ($K_+ - S_1$) этот мотив тоже звучал, но уже как уверенное в себе обещание: «Теперь-то я знаю, чем все это кончается, теперь ни под каким видом!» Однако волна KS , дошедшая из будущего, стерла соответствующий мо-

15. Подробнее о механизмах захвата ритмов см.: Уинфри А. Т. Время по биологическим часам. М.: Мир, 1990.

тив, так что в ретроспективно детерминированном настоящем ($K_+ - S_1$) его не было, и, естественно, ни на каком из участков набежавшей волны вспомнить то, чего не было, не представляется возможным.

Все это и значит, что риск-излучение сработало и квант азарта был поглощен. В данном случае реакция характеризуется как положительная, возможная отрицательная реакция подтвердила бы специфическую нечувствительность, резистентность к воздействию риск-излучения. То есть «казус Гаухмана» по своему статусу тяготеет скорее к закону Гука, чем к психологическому наблюдению в духе Лабрюйера или Фрейда, и самоотчету он дан как «внешняя идея» или даже как предмет. Взаимодействие с полем азарта есть *чистый мотив*, не имеющий психологических обоснований в том же смысле, в каком их не имеет гравитация. Аутентичный способ описания в подобных случаях может быть примерно таким: действия субъекта определялись не жадной властью, не позывными либидо и не устойчивыми чертами характера, а тем, что в какой-то момент времени субъект был захвачен волной и пребывал в ней вплоть до исчерпания ресурса ставок.

Мотивация, выявленная в «казусе Гаухмана», не является психологической, но она является экзистенциальной и исторической; сущностные силы человека, о которых так любили говорить Фейербах и Маркс, непредставимы без мотива чистого азарта, без ретропричинения волной ($S_1 - S_n$). Гегелевская диалектика господина и раба остается статичной схемой без учета риск-излучения и взаимодействия с полем азарта. А с учетом дело выглядит так. Мы знаем, что господин ставит жизнь на кон, учреждая свое право быть господином. Разовая ставка достаточна для реализации воли власти, случаи, когда необходимо власть употребить, понятны и прозрачны для всех участников. Но господин при этом обладает важным избытком: он делает ставку чаще, чем того требует *простая рутина господства*. Он лишен не только страха смерти, но и экрана, защищающего от жесткого риск-излучения, — и лишь эта двойная лишенность делает его воистину господином. Ритмоводитель азарта чрезвычайно легко захватывает его бытие.

Стало быть, без открытого соприкосновения с риском основополагающий акт учреждения социальности невозможен. Именно перпендикулярная контрэманация азарта обеспечивает необходимую мерность для диктатуры символического. И если господин обретает свое имя и свое место двойной лишенностью, то раб, или, лучше сказать, простой смертный, сохраняет себя двойной защитой. Деррида настаивает на том, что слуга есть *servus*, «сохраненный», и таково его родовое

имя¹⁶. Это правда, но сохраняет он себя не только уклонением от поединка, от смертельного противоборства. Сохранность простого смертного не в меньшей степени обеспечивается надежным экраном, предохраняющим от позывных Игры, идущей на предельную ставку.

Господин же в этом смысле неприкрыт. Он не приобрел ни одного защитного кожуха, и облученность «частицами шансагаза», как уже отмечалось, создает новое измерение бытия, предстающее как зияние. В зоне контакта выжигается психологизм (и прежде всего, рессентимент), в результате чего остается, а может быть, и впервые образуется чистая экзистенция: отчасти и поэтому господин психологически прост, но зато экзистенциально внятен и отчетлив. Получив квант азарта, он детерминруется возникшей волной ($S_1 - S_n$) и на данном участке становится абсолютно непроницаемым для рессентимента. Нельзя предугадать, где он окажется «на выходе», вернется ли вообще к берегам смертного тела.

Увлекаемый волной пребывает в автономном плавании как португальский корабль. Этот корабль, каравелла времен Колумба и Магеллана, инструмент, а в каком-то смысле и субъект Великих географических открытий, пожалуй самой азартной и *рискоемкой* эпохи, такой корабль совмещает навигацию и волю волн. Джон Ло пишет:

Штурманы, противники-арабы, ветра и течения, команда, складские помещения и орудия — если эта сеть сохраняет устойчивость, корабль остается кораблем, он не тонет, не превращается в щепки, напоравшись на тропический риф, не оказывается захваченным пиратами и уведенным в Аравийское море. Он не пропадает, не теряется до тех пор, пока команда не сломлена болезнями или голодом...

Бруно Латур предложил интересную версию этой истории. Он говорит о *неизменных мобильностях*. Корабли представляют собой мобильности потому, что действительно происходит их перемещение из Лиссабона в Калькутту. А неизменны они потому, что действительно сохраняют свою форму при этом перемещении, будучи сетевыми единствами¹⁷.

Португальскому кораблю когда-то предшествовал греческий корабль, конкистадорам и кондотьерам — пираты Эгейского моря, выходившие не просто в море, но в открытую стихию азарта, где точно так же благодаря риск-облучению конденсировался заряд мобильности, ставший топливом целой цивили-

16. См.: Деррида Ж. *Позиции*. М.: Академический проект, 2007.

17. Ло Дж. *Объекты и пространства // Социология вещей*. М.: Территория будущего, 2008. С. 227.

лизации¹⁸. Для всего этого необходимо сохранение мобильности, и корабль оказался удивительно подходящей площадкой для крепления свободных радикалов без погашения их радикальности, реагентности по отношению к встречному существу. Быть может, следующей такой ячейкой станет космический корабль, обшивка которого будет отражать жесткое космическое излучение, но пропускать лучи, идущие от экстерриториальных генераторов азарта. Следовательно, дозировка риск-излучения различается от эпохи к эпохе и, возможно, от народа к народу, хотя здесь легко перепутать причины и следствия. Стоило бы, конечно, вначале исследовать роль риск-излучения в процессе этногенеза, например выяснить, не становится ли «консорция» под воздействием мощного поля азарта отдельным народом или по крайней мере компактным этническим элементом, как в случае викингов или тех же пиратов Эгейского моря? Вопрос этот, однако, оставим в стороне и попробуем развить ключевую аналогию с квантовой механикой, учитывая влияние азарта как на индивида, так и на тело социума. Мы увидим, что помимо бомбардировки риск-частицами, осуществляемой квантами, и помимо *волны*, способной огибать психологические препятствия, поле азарта проявляет себя и как *узор* (росчерк судьбы) — манифестация, не имеющая аналогов в квантовом мире. То есть корпускулярно-волнового дуализма для понимания риск-излучения недостаточно, имеет место как минимум «триализм», притом что акцентирование одного способа данности приглушает и затемняет остальные. Жребий, разовая ставка, пари демонстрируют корпускулярную природу азарта, «казус Гаухмана» — волновую, а лотерея в Вавилоне — сплетение нитей параллельного причинения, или, иначе, *узор*.

* * *

Наличный расклад человеческого можно имитировать и без воссоздания исходного причинения, эпифеномен можно воспроизвести и как феномен, на иных основаниях представляющихся, например, более рациональными. Подобный механизм относится к числу важнейших механизмов социогенеза, ему и по сей день принадлежит решающая роль в производстве человеческой реальности. Искусная подмена оснований распознается с немалым трудом, поскольку итоговая картинка на протяжении долгого времени выглядит неотличимой от исходного образца, в ряде случаев речь вообще идет о настоящем овла-

18. Петров М. К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М.: РОССПЭН, 1995.

дении всей причинной цепочкой¹⁹. Преференции подмены еще и в том, что изначально слишком взрывоопасное или слишком затратное производство жизнеспособного этоса реорганизуется в безопасное и подконтрольное, — по крайней мере кажущееся таковым. Систематическая подмена оснований — это и есть обоснование хитрости разума, а заодно и наиболее общее определение прогресса²⁰. Лишь в немногих случаях упрощение, рационализация причинной цепочки, переход к автоматическому или полуавтоматическому режиму воспроизводства оказываются наказуемыми. Но именно эти случаи, в свою очередь, оказываются решающими и принадлежат к экзистенциальному измерению человеческого бытия. Экзистенциальное и есть то, что не поддается переводу в режим автоматического воспроизводства, и этим оно принципиально отличается от *технического*. Скажем, вождение велосипеда по мере накопления опыта упрощается, а любовь, напротив, остывает, проблематизируется и вообще, переходя в автоматический режим, в привычку, получает другое имя. По мере накопления опыта остывает и вера, если для ее воспроизводства избирается не самый затратный путь.

Европейская история последнего столетия как раз и состоит из соответствующих автозамен: институты правового государства, первоначально производимые как ближайшие эпифеномены горячей веры, ее особой формулы, теперь целенаправленно воспроизводятся на иных основаниях, с куда как меньшими экзистенциальными затратами. При этом до поры до времени лишь неуловимые различия мелькают в итоговой картине, а все остальное вроде бы то же самое... Дух капитализма как будто бы больше не требуется для институций капитализма, но это только как будто — растет понимание того, что возмездие близится, что оно не за горами. Уже несколько десятилетий игра идет на призрачные ставки, можно сказать, на фантики... Инфляция ставок касается не только экономики, но и всего экзистенциального проекта в целом.

Пора, наконец, обозначить крайне важный момент: когда речь заходит об игре, многие с готовностью рассматривают ее в модальности детства, в ауре некоей ребячливости. Это величайшее заблуждение. Рассуждают примерно так: детское «понарошку» во многих, в большинстве случаев отличается от всамделишной взрослости — детский утренник все же не совсем настоящий концерт, куличики в песочнице и настоящее приго-

19. Секацкий А. Онтология лжи. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.

20. Адорно М., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. М.; СПб.: Медиум; Ювента, 1997.

товление пищи, «игра в доктора» и настоящая медицина далеко не одно и то же. А вот детская игра в карты «на фантики» как будто бы одна и та же игра, если не считать размера ставки, что опять-таки легко счесть чем-то внешним. То есть ролевые игры рассматриваются как подготовка ко взрослости и, стало быть, как нечто специфически детское. А вот «игровые игры» вроде бы составляют общий репертуар для детей и взрослых. В действительности же дело обстоит, скорее, наоборот: подражательные практики довольно плавно переходят в полноценную деятельность по соисканию признания, тогда как игра на фантики пожизненно остается ребячеством, как бы недостойным внимания *серьезных* людей. Вспомним, что *игра на ставку* структурирует бытие господина.

С точки зрения техники или правил игры разница между игрой подростков от скуки и партией джентльменов за ломберным столиком едва заметна. Но с точки зрения самой сущности различие является решающим: игра на действительно важную ставку доступна лишь суверену собственной воли, например тому, кто *в законе и при понятиях*. Для них как раз игра «просто так» есть профанация и зачастую неприемлема по принципиальным соображениям. Правила Игры имеют абсолютный приоритет перед правилами игры. И если ты *ничего не поставил*, то независимо от твоей искусности, от знания дебютов и «миттельшпилей» игра твоя ничем особым не отличается от возни в песочнице: тут-то и проходит водораздел между изготовителем куличиков и господином бытия. Исходя из такой раскладки, можно констатировать уровень экзистенциальной температуры современной постхристианской цивилизации: Правила Игры были постепенно редуцированы до правил игры. И это касается всей панорамы *Weltlauf* — от профессиональной признанности до электоральных игр. По сути дела, мы потеряли измерение Ставки. Это означает, что индикаторы по-прежнему мерцают разноцветными огоньками, но больше не являются датчиками Спасения, они уже отсоединены от Вифлеемского тотализатора. Настает время подводить итоги.

Феномены, возникавшие под воздействием мощного источника риск-излучения в сильнейшем силовом поле азарта, продолжают воссоздаваться и в условиях экранированности губительных для среды *das Man* лучей, но не замечать подмену больше невозможно. С утратой достоверности души, стоящей на кону (лишь в качестве высшей ставки на кону, на алтаре Всесожжения, душа идентифицируется как душа, в противном случае она не более чем психика), вернулись в новой, облегченной редакции «петушинные бои», вернее, футбол, занимающий их место. Все еще по привычке говорят: кто не рискует, тот не пьет

шампанского, но шампанского никому и не хочется. Встроенные в человеческий мир игровые автоматы (в самом широком смысле слова) на холостом ходу прокручивают отжимки волик-власти, их комбинации не могут иметь статуса свершений или деяний. Всеобщий рост социального паразитизма в странах с угасшими источниками риск-излучения приводит к упадку инициативы и к нарастанию интерпассивности (если воспользоваться удачным термином Жижека).

Впрочем, ничто не ново под Луной: достаточно почитать Августина, чтобы понять, где примерно мы оказались — в фазе глубокого выдоха, полной рутинизации экзистенциального измерения. Сущностная периодичность истории состоит в том, что накопление ресурса экзистенции не является константой. Аскеза и поглощаемый азарт, два величайших инструмента души, создают золотой запас экзистенции. Но накопленный, сбереженный потенциал духа надо иногда и обналичивать, его уместно и необходимо тратить, что неизменно и происходит. Решающим остается вопрос «Как тратить?».

REFERENCES

- Aristotel. *Sochineniia: v 4 t.* [Works in 4 vols.], Moscow, Mysl', 1984, vol. 4.
- Bateson G. *Ekologiia razuma: Izbrannye stat'i po antropologii, psikhiiatrii i epistemologii* [Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology], Moscow, Smysl, 2000.
- Borges J. L. *Vymysly* [Ficciones], Saint Petersburg, Amfora, 2001.
- Derrida J. *Pozitsii* [Positions], Moscow, Akademicheskii proekt, 2007.
- Frazer J. T. *Time as Conflict*, Basel, Birkhäuser, 1978.
- Geertz C. *Interpretatsiia kul'tur* [The Interpretation of Cultures], Moscow, ROSSPEN, 2004.
- Glass L., Mackey M. *Ot chasov k khaosu* [From Clocks to Chaos. The Rhythms of Life], Moscow, Mir, 1991.
- Horkheimer M., Adorno T. W. *Dialektika prosveshcheniia* [Dialektik der Aufklärung], Saint Petersburg, Medium, 1977.
- Kobozev N. A. *Termodinamika protsessov informatsii i myshleniia* [Thermodynamics of processes of information and thinking], Moscow, Nauka, 1965.
- Law J. *Ob'ekty i prostranstva* [Objects and Spaces]. *Sotsiologiia veshchei* [Sociology of things], Moscow, Publishing house "Territoriia budushchego", 2008, pp. 223–243.
- Petrov M. K. *Iskusstvo i nauka. Piraty Egeiskogo moria i lichnost'* [Art and science. Pirates of the Aegean Sea and personality], Moscow, ROSSPEN, 1995.
- Sekatskii A. *Izyskaniia* [Investigations], Saint Petersburg, Limbus-press, 2009.
- Sekatskii A. *Ontologiia lzhi* [Ontology of lies], Saint Petersburg, Izdatel'stvo SPBGU, 2000.
- Winfree A. *Vremia po biologicheskim chasam* [Timing of Biological Clocks], Moscow, Mir, 1990.
- Wittgenstein L. *Filosofskie raboty* [Philosophical works], Moscow, Gnozis, 1994, vol. 1.